

УДК 903.5

В.А. Кашин*Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
ул. Сосновая, 4, Якутск, 677008, Россия*

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ ДЕТЕЙ НА СРЕДНЕЙ КОЛЫМЕ

С 1996 г. в бассейне средней Колымы археологической службой Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН исследуется Каменский археологический комплекс, состоящий из 10 разновременных неолитических памятников. На стоянке Каменка II наряду с набором артефактов в 1997 г. было найдено древнее захоронение детей. Подобного рода находки – большая редкость на крайнем северо-востоке Сибири.

Стоянка Каменка II находится за Полярным кругом в приустьевой части речки Каменка – правого притока Колымы (66° 47' 30" с.ш., 152° 30' 20" в.д.)*. Она расположена на мысовидном останце 11-метровой эрозионной террасы при впадении в Каменку в 3,5 км от устья небольшого безымянного ручья (рис. 1). Восточный борт мыса крутой, местами в нем обнажаются коренные породы – сланцы. Западный борт пологий, плавно переходящий в пятиметровую пойму, падение склона в среднем не превышает 13°. Вследствие обычных для региона криогенных процессов, сопровождающихся развитием полигональных мерзлотных жил, склон имеет кочкарниковую поверхность. Весь мыс покрыт обгоревшими и поваленными лиственницами – результат обширного лесного пожара 1993 г.

В 1997 г. на западном склоне мыса были проведены раскопки на площади 27 м², в ходе которых повсеместно выявлена единая стратиграфическая последовательность:

- 1) дерн мощностью 1 – 5 см;
- 2) коричневый (местами красно-коричневый) суглинок мощностью 4 – 16 см, обогащен растительными

* Горная речка Каменка протяженностью 155 км берет начало в Чубукулахском массиве северо-западного фаса Юкагирского плато. “Чубуку” в переводе с якутского означает “горный баран”.

ми остатками, изредка включает мелкие неокатанные обломки сланца; культурный слой;

3) бежевый суглинок, вмещает обломки сланца, непосредственно перекрывает скальный цоколь террасы; мощность находится в зависимости от верхней границы цоколя, которая имеет большую амплитуду колебаний, минимальная мощность суглинка отмечена на южном участке раскопа – 12 см;

4) сланцы – цоколь террасы.

В коричневом суглинке без внутреннего стратиграфического разделения находились остатки двух разновременных археологических культур – белькачинской среднеолитической (III тыс. до н.э.) и ымыяхтахской позднеолитической (II тыс. до н.э.). Обзор всего материала стоянки выходит за рамки нашего сообщения, и потому обратимся сразу же к наиболее яркой и уникальной находке – детскому захоронению.

Погребение встретилось в северной части раскопа на площади 1,25 × 0,7 м (см. рис. 1). Внешне ничто не указывало на его существование. Погребение находилось под дерном, в культуросодержащем коричневом суглинке. Контуры могильной ямы ни в плане, ни в разрезе не прослеживались, хотя о ее устройстве свидетельствовало положение антропологических остатков в кровле бежевого суглинка (рис. 2). Исходя из стратиграфии и мощности перекрывающих отложений, можно полагать, что глубина ямы не превышала 18 – 20 см от древней дневной поверхности. От современной поверхности дно могильной ямы находилось на расстоянии 24 – 27 см. Яма копалась на склоновой поверхности с углом падения 7 – 9° в сторону Каменки. Верхний (северный) ее конец был выкопан до скального основания террасы, нижний (южный) – углублен в бежевый суглинок на 7 см.

В заполнении могильной ямы до контакта с антропологическими остатками присутствовал коричневый

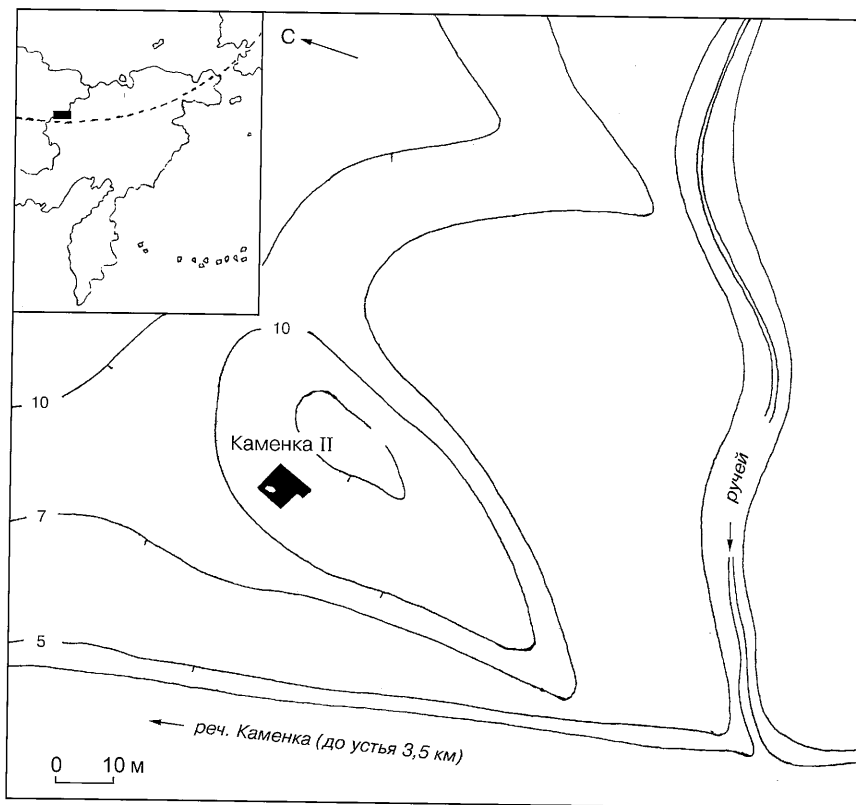


Рис. 1. План расположения стоянки Каменка II.

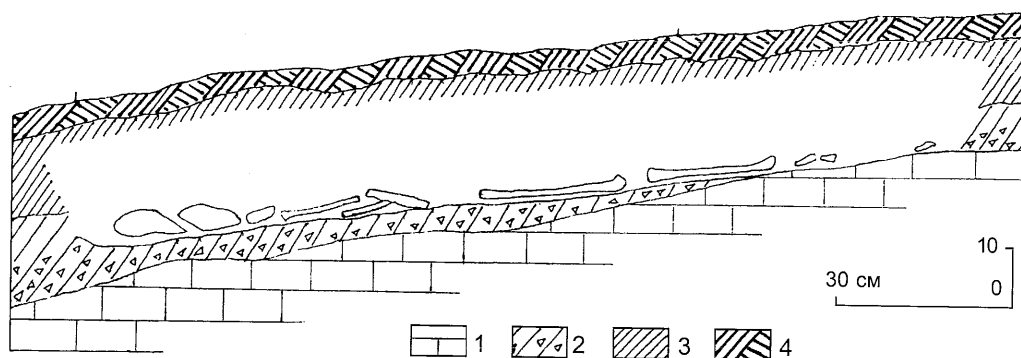


Рис. 2. Стратиграфический разрез погребения.

1 – скала; 2 – бежевый суглинок со щебнем; 3 – коричневый суглинок; 4 – дерн.

суглинок, в котором изредка встречались деревянные угольки и единичные мельчайшие обломки женой кости. Однозначно интерпретировать эти находки довольно сложно, поскольку они могут быть не только следами ритуальных действий, но и результатом вышеупомянутого лесного пожара.

В погребении лежали останки трех человек (рис. 3). Два почти полных сдвинутых друг к другу скелета свидетельствуют о захоронении в вытянутом положении на спине головами на юг. Раздавленные черепа лицевой частью обращены друг к другу. Положение плече-

вых, локтевых и лучевых костей показывает, что руки умерших были согнуты, а кисти находились в области таза. Тазовые кости, равно как и кости кистей рук и стоп ног, не сохранились. Останки третьего человека – мелкие фрагменты черепа, ребер, позвонков и диафизов длинных костей – локализовались между первыми двумя скелетами на уровне берцовых костей.

Размеры черепов, костей, зубов и в целом скелетов (длина первого (западного) костяка – 1,2 м, второго (восточного) – 1 м) уже в ходе раскопок не оставляли сомнений в том, что это детское погребение.

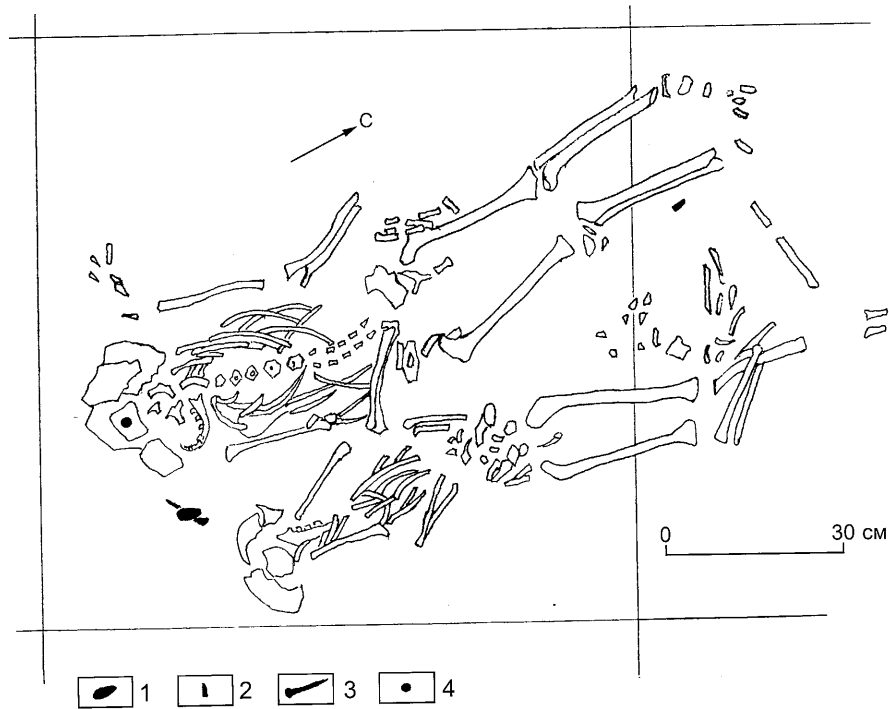


Рис. 3. План погребения.

1 – нож; 2 – вкладыш; 3 – шило; 4 – керамика.

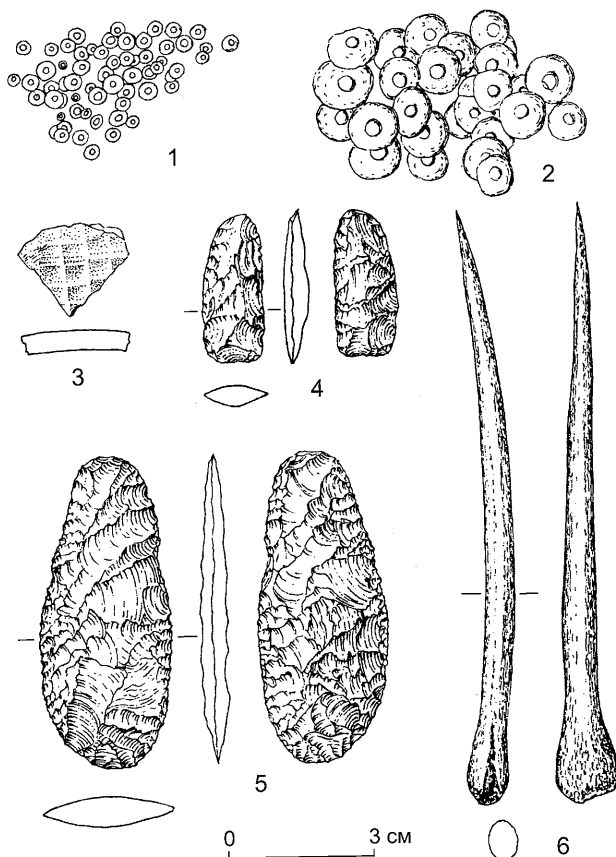


Рис. 4. Инвентарь погребения.

Одинаковая глубина залегания и вполне определенное регламентированное ритуалом пространственное расположение костяков дают основания говорить об одновременном захоронении детей*.

Сопроводительный инвентарь в погребении немногочисленный, но выразительный. Между черепами двух первых скелетов лежали друг на друге нож из халцедона (рис. 4, 5) и шило из мегаподии лося (рис. 4, 6). Справа от берцовой кости правой ноги первого костяка находился второй нож (концевой вкладыш (?) меньших размеров из кремня (рис. 4, 4). На лобной кости того же костяка найден маленький обломок вафельной керамики (рис. 4, 3). Двух первых детей (о третьем данных нет) хоронили в одежде, богато украшенной плоскими перламутровыми колечками из створок пресноводных ракушек (рис. 4, 2). Судя по их расположению, украшения нашивались на одежду только спереди и только от пояса до колен. У среднего погребенного (о других данных нет) на голове был головной убор, украшенный многочисленными (1187 шт.) перламутровыми колечками значительно меньших, чем на одежде, размеров (рис. 4, 1).

Отмеченный инвентарь и украшения позволяют определить культурную принадлежность людей, оставивших захоронение, и датировать его. Для этого

* Такое же количество и расположение костяков можно наблюдать в погребении 11 в грунтовом ымыяхтахском могильнике Чочур-Муран на средней Лене [Федосеева, 1980, с. 69 – 73].

достаточно обратить внимание на определенное сходство каменных вещей с соответствующими материалами наиболее репрезентативных археологических памятников соседних территорий. Так, типологически близкие аналоги халцедонового ножа отмечаются в поздненеолитических (II тыс. до н.э.) коллекциях стоянок Эльгыгытгын [Саяпин, Диков, 1958, рис. 7 – 9] и Тытыль IV [Кирьяк, 1993, табл. 48, 2] на Чукотке, среди находок на однокультурной Ымыяхтахской стоянке Конзабой [Федосеева, 1975, рис. III, 9] на нижней Колыме, в материалах культурного слоя III (радиоуглеродная дата слоя – 2955 ± 50 (ЛЕ-1003)) многослойной чисто Ымыяхтахской стоянки Бурулгино [Федосеева, 1980, рис. 83, 5] на нижней Индигирке. И, как полагает С.А. Федосеева, “в других культурных комплексах подобные типы ножей до сих пор не встречены” [Там же, с. 169].

Аналоги кремневого ножа-вкладыша есть в поздненеолитических материалах стоянок Тытыль IV [Кирьяк, 1993, табл. 48, 5 – 8] и Тытыль V [Федосеева, 1980, рис. 100, 6], а также среди находок со стоянки Белая Гора (средняя Индигирка), где в основном представлена Ымыяхтахская культура [Эверстов, 1980, табл. IV, 4, 7, 12].

Костяные шилья близких каменному форм найдены в слое III стоянки Бурулгино [Федосеева, 1980, рис. 85, 2].

Обычны для Ымыяхтахской культуры и перламутровые колечки-бусины из створок ракушек. В ближайшем от каменного захоронения окружении они встречены в Помазкинском могильнике (радиоуглеродная дата – 3065 ± 65 (СОАН-3827)) на средней Колыме [Кашин, Калинина, 1997, табл. 52, 1], в Родинском могильнике (радиоуглеродная дата – 3600 ± 60 (ГИН-5594)) на нижней Колыме [Кистенев, 1992, табл. 3, 1, 3] и в культурных слоях III и II (радиоуглеродная дата – 2950 ± 50 (ЛЕ-1002)) стоянки Бурулгино [Федосеева, 1980, рис. 82, 1 – 3].

Титульным признаком Ымыяхтахской культуры признается вафельная керамика с многослойным тестом и примесью шерсти или растительных остатков

[Там же, с. 188]. Все эти показатели характерны и для единственного в каменном погребении мелкого фрагмента глиняного сосуда: внешняя его поверхность покрыта техническими отпечатками вафельного штампа, тесто в изломе трехслойное, а на внешней и внутренней поверхностях прослеживаются четкие следы выгоревшей при обжиге шерсти.

Таким образом, весь археологический инвентарь каменного захоронения хорошо коррелируется с материалами поздненеолитических Ымыяхтахских памятников середины – конца II тыс. до н.э. Следовательно, именно с этим временем (вторая половина II тыс. до н.э.) и с этой культурой (Ымыяхтахской) связано коллективное захоронение детей на стоянке Каменка II.

Список литературы

Кашин В.А., Калинина В.В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. – Якутск: Северовед, 1997. – 109 с.

Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. – М.: Наука, 1993. – 222 с.

Кистенев С.П. Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 68 – 83.

Саяпин А.К., Диков Н.Н. Древние следы каменного века на Чукотке: (Находки на берегу озера Эльгыгытгын) // Зап. Чукотского краеведческого музея. – Магадан, 1958. – Вып. 1. – С. 17 – 31.

Федосеева С.А. Стоянка Конзабой – памятник Ымыяхтахской поздненеолитической культуры на Колыме // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск: Изд-во Якут. филиала СО АН СССР, 1975. – С. 88 – 94.

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.

Эверстов С.И. Новые археологические памятники Индигирки и Алазеи // Новое в археологии Якутии. – Якутск: Изд-во Якут. филиала СО АН СССР, 1980. – С. 66 – 73.

Материал поступил в редколлегию 23.08.1999 г.